

УДК 81'37

DOI: 10.17223/19986645/62/5

Ю.В. Головнёва

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЛАКУНЫ В СФЕРЕ
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА И ИХ АВТОРСКОЕ
ЭЛИМИНИРОВАНИЕ (НА ПРИМЕРАХ
ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.)**

Статья посвящена авторскому элиминированию лакун в сфере внутреннего мира человека. Предлагается термин «концептуально-языковая лакуна» для обозначения одновременного отсутствия и концепта в национальной концептосфере, и средств его выражения в языке до осмысления и репрезентации данного концепта его автором. Анализируются примеры индивидуально-авторских концептов сферы внутреннего мира человека из художественной литературы на русском и английском языках (из произведений О. Мандельштама, В. Набокова, К. Уилсона, И. Бродского, Дж. Фаулза, В. Пелевина).

Ключевые слова: концептуально-языковая лакуна, индивидуально ощущаемая языковая лакуна, индивидуально-авторский концепт, метафора, сфера внутреннего мира человека.

В художественной литературе на разных языках существует целый пласт литературных описаний отдельных проявлений внутреннего мира человека – чувств, состояний сознания, особенностей образа мысли и т.п., для которых в национальном языке нет общеизвестных кратких наименований – однословных или фразеологических. В данной статье предпринята попытка анализа этих описаний индивидуально-авторских концептов в русском и английском языках с позиций теории лакун.

Лакунарность языка¹ исследуется прежде всего как явление, затрудняющее межкультурную коммуникацию. При этом под языковой лакуной, как правило, понимают «отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [2. С. 71]. Основоположники теории лакун Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина относят к лакунам все явления, непонятные представителю другой культуры: «Все, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст. Такие элементы мы называем лакунами» [3. С. 37]. Расширенное толкование понятия «лакуна» в диссертации² Е.А. Эйнуллаевой [4] тоже связа-

¹ Употребителен также термин «лакунизация», ср., например: [1].

² Отметим, что в диссертации [4] в широком смысле употребляется и термин «заполнение лакун». Следует иметь в виду, что в ряде других работ (например, [5]) под заполнением лакуны подразумевается введение единственного слова, а под элиминиро-

но с областью межкультурной коммуникации – взаимодействия как минимум двух языков и культур. Е.А. Эйнуллаева определяет языковую лакуну как «случай несоответствия между сопоставляемыми языками и культурами, следствием которого является отсутствие в одном из сопоставляемых языков / культур какого-либо явления, свойственного другому языку / культуре...» [4. С. 35].

Но, как будет показано, лакуны выявляются и в пределах одного языка без сопоставления его с другими, поэтому примем за основу определение лакуны, данное Г.В. Быковой безотносительно к тому, в одном ли языке та наблюдается или выявляется при сопоставлении двух языков: «...лакуна – синтаксически объективированное идеальное содержание типа понятия, представления или гештальта, входящее в суждение и представленное либо а) громоздким словосочетанием, либо б) компактным сочетанием, либо в) развернутым описанием...» [5. С. 32]. При этом Г.В. Быкова уточняет: «Лакуны обнаруживаются и в одноязычной ситуации, когда в рассматриваемом языке отсутствует слово для обозначения реальной предметной ситуации, хотя потенциально оно могло бы существовать в лексической системе данного языка. Например, в русском языке есть слова, обозначающие концепт “сообщение о негативных фактах” (*жалоба, донос*), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; представлен в лексической системе концепт “заочно передаваемая негативная информация” (*сплетни, слухи*), но не обозначен концепт “заочно передаваемая положительная информация”» [Там же. С. 30].

В данных примерах каждой языковой лакуне соответствует концепт, чье существование следует из самой системы категорий, отраженных в языке, конкретнее, категорий позитивного и негативного. Кроме того, одноязычные лакуны временами обнаруживаются при потребности индивида обозначить словами какие-то детали своего опыта, для которых он не находит отображенных в языке общенациональных концептов – и именно поэтому не находит и названия. Мы назвали такие лакуны **индивидуально ощущаемыми** [6]. Элиминирование индивидуально ощущаемых лакун – неотъемлемая часть писательского труда. В частности, такие лакуны нередко выявляются при описании чувств, состояний сознания и других особенностей психической жизни.

Среди индивидуально ощущаемых лакун можно выделить два вида. Первый из них (надо полагать, более частотный) Г.В. Быкова включает в свою типологию лакун в лексической системе языка [5. С. 109–146] под названием «**личностные (субъективные) лакуны**». Это случаи, когда существующее в языке слово, нужное для осуществления коммуникатив-

ванием лакуны – более широкое понятие, включающее в себя ее заполнение (одним словом) и компенсацию (многословную). В данной статье речь идет о лакунах, элиминируемых, как правило, двумя и более словами, примеров «заполнения» в узком смысле нет совсем, поэтому «заполнение» употребляется в ней как более краткий синоним «элиминирования».

ной задачи говорящего, ему неизвестно или же внезапно забывается, например из-за усталости; говорящий при этом испытывает «муки слова», пытаясь выразить мысль [5. С. 115–116]. Но наблюдаются также случаи **другого вида индивидуально ощущаемых лакун, которому посвящена данная статья, – когда просто не существует общенационального аналога того индивидуально-авторского концепта, который говорящий хочет репрезентировать**, и слова сложно подобрать именно оттого, а не из-за «временной афазии» говорящего.

С позиций когнитивной лингвистики репрезентации знаний о мире делятся на концептуальные (ментальные) и лингвистические¹. Поскольку индивидуально ощущаемая лакуна второй разновидности наблюдается и в концептуальной и в лингвистической областях (и только автор, до публикации произведения, располагает найденным и выраженным им индивидуально-авторским концептом, заполняющим эту лакуну²), назовем такую лакуну **концептуально-языковой**³. Этот тип лакун не входит в предложенную Г.В. Быковой типологию лакун в лексической системе одного языка, хоть ему там есть место рядом с «субъективными» лакунами [Там же. С. 109–146]; не назван он также среди типов межъязыковых лакун [Там же. С. 54–76].

Критерий отличия «личностных (субъективных) лакун», по Г.В. Быковой, от концептуально-языковых лакун – отсутствие или присутствие в словарном составе языка слова, значение которого в тексте передается иносказательно. (На практике это можно проверить, воспользовавшись системой поиска в Интернете. Если поиск слова в бумажных словарях требует знания этого слова, и, возможно, именно поэтому выявление лакун до внедрения Интернета преимущественно сосредоточивалось в сфере сопоставления языков, когда лексеме одного языка не находилось соответствия в другом, то в интернетных системах поиска слово можно

¹ Строго говоря, концептуальной сфере как плану содержания соответствуют как вербальные, так и невербальные средства выражения [7. С. 127–152], но при анализе концептов внутреннего мира, объективированных в художественной литературе, речь идет только о вербальной стороне их выражения, а не о невербальной, мимически-жестовой.

² Разумеется, сходным психологическим опытом могут обладать и другие люди, в том числе носители различных языков, – и даже скорее всего им обладают, именно это объясняет успех писателя, выразившего особенности душевной жизни многих. Но в оформленном, репрезентированном виде данный концепт у них отсутствует, присутствуя в свернутом. До чтения произведения, в котором концепт репрезентирован, у них не возникает потребности высказываться на эту тему. Возможен и более сложный вариант: некий концепт осознают как важный, лично значимый и пытаются выразить (например, в личных дневниках) сравнительно многие люди, но лишь у одного или нескольких писателей это получается наиболее полно и в результате входит в культуру как часть их творческого наследия.

³ В качестве англоязычного эквивалента этого термина мы предлагаем *cognition-language lexical gap*, так как сопоставление концептуальной и языковой сфер передается на английском как сопоставление *cognition* и *language*.

найти по его определению, порой – перебирая разные варианты формулировок.) Таким образом, разница между личностной и концептуально-языковой лакунами основывается на объективном критерии и поддается верификации.

Как отмечает Г.В. Быкова, «если нелексикализированный концепт становится предметом обсуждения, то возникает ситуативная (описательная или окказиональная) номинация» [5. С. 8]. В данной статье ставится задача на материале концептов внутреннего мира **выделить основные прагматические факторы, благодаря которым индивидуально-авторский концепт, не лексикализированный в национальном языке, становится предметом обсуждения** – и тем самым переводится из некоего «свернутого вида», из присутствия лишь в некоторых сознаниях, в такой концепт, к которому появляется доступ через культуру народа в целом.

Элиминирование концептуально-языковых лакун происходит путем создания индивидуально-авторских концептов и их авторской репрезентации средствами языка. Индивидуальный опыт человека, благодаря которому он ощущает концептуально-языковую лакуну и начинает подбирать средства для ее элиминации, отражен в индивидуально-авторском концепте. Термин «индивидуально-авторский концепт» широк: так называют и любой концепт, преломленный через авторское восприятие, и, в более редких случаях, концепт, сложившийся прежде всего в сознании такого-то автора (и объективированный им, иначе бы не было возможности об этом судить), но до него не репрезентированный в языке. В данной статье рассматриваются только те индивидуально-авторские концепты, которые до своей объективации в творчестве автора не были представлены в языке одной лексемой либо устойчивым словосочетанием. Такие концепты рассматриваются через их авторские описания.

Концепт, в том числе индивидуально-авторский, явление ментального плана. Он не может быть описан целиком, может быть воссоздан только его гипотетический конструктор с опорой на его языковую манифестацию [8]. В данной статье группы концептов подразделяются по критериям, связанным с языковой семантикой их выражения. Итак, вторая задача статьи – на основе исследуемой выборки примеров из художественной литературы XX в. на русском и английском языках **выделить наиболее крупные семантические группы таких индивидуально-авторских концептов внутреннего мира, которым в данных культурах соответствуют концептуально-языковые лакуны**. При этом мы опираемся на наиболее общие свойства этих концептов, являющиеся универсальными для русского и английского языков.

Для анализа языкового материала были отобраны произведения, в которых описания психической жизни человека играют существенную роль¹.

¹ Количество страниц книг, из которых была произведена выборка, составило примерно 6000. Поскольку речь в статье идет не о статистических закономерностях, а об анализе конкретных индивидуально-авторских концептов из специально выбранных художественных текстов, объем выборки соответствует поставленным задачам.

Анализируются примеры репрезентации индивидуально-авторских концептов психических явлений – чувств, состояний сознания, особенностей мировосприятия – из произведений О. Мандельштама (1932–1934), В. Набокова (1937–1938 и далее), К. Уилсона (1967), И. Бродского (1969), Дж. Фаулза (1974), В. Пелевина (1996); последовательность, в которой приводятся фамилии авторов, соответствует хронологии написания цитируемых произведений.

Рассмотрим, как репрезентирован индивидуально-авторский концепт одного ощущения, не называемого словом либо кратким словосочетанием, в стихотворении Иосифа Бродского «Посвящается Ялте». Стихотворение представляет собой детектив – оно почти целиком состоит из показаний, которые дают знакомые убитого и близкие его знакомых. Подруга убитого описывает необычное ощущение, которое у нее вызывал этот человек, такими словами:

*Когда мы были вместе, все вокруг
существовать переставало¹. То есть
все продолжало двигаться, вертеться –
мир жил; и он его не заслонял.
Нет! я вам говорю не о любви!
Мир жил. Но на поверхности вещей
– как движущихся, так и неподвижных –
вдруг возникало что-то вроде пленки,
вернее – пыли, придававшей им
какое-то бессмысленное сходство.
Так, знаете, в больницах красят белым
и потолки, и стены, и кровати.
Ну, вот представьте комнату мою,
засыпанную снегом. Правда, странно?*

<...>

*Я думала тогда, что это сходство
и есть действительная внешность мира.
Я дорожила этим ощущеньем.*

*<...> О Господи, я только
сейчас и начинаю понимать,
насколько важным было для меня
то ощущение! Да, и это странно.
Что именно? Да то, что я сама
отныне стану лишь частичкой мира,
что и на мне появится налет
той патины.*

[9. С. 164–165]

¹ Здесь и далее в примерах полужирным шрифтом выделяются метафоры внутреннего мира человека.

Здесь можно выделить три прагматических фактора, вызывающих у говорящей¹ ощущение языковой лакуны и потребность ее заполнить.

1. Героиня стихов испытывала в присутствии человека, о котором рассказывает, некое ощущение – и отдает себе отчет в этом.

2. Это ощущение для нее очень значимо. Об этом свидетельствуют не только ее прямые утверждения *Я дорожила этим ощущением... насколько важным было для меня // то ощущение!*, но и сам факт, что она рассказывала о своем ощущении следователю, официальному лицу (именно к нему обращена ее речь). В такой ситуации говорить о каких-то не относящихся к делу чувствах было бы неуместно – она объясняет, почему продолжала встречаться с этим человеком несмотря на то, что на ней собирался жениться другой. (Интересно, что следователь не перебивает ее, в то время как слова ее нового знакомого о своих чувствах вызвали вопрос, почему он говорит о том, // что не имеет отношенья к делу [9. С. 169].)

3. Это ощущение, на взгляд героини, не имеет краткого названия (не названо одним словом либо устойчивым выражением) – иначе бы она его назвала.

Когда у говорящей возникла потребность заполнить индивидуально ощущаемую языковую лакуну, начинается выбор языковых средств для этого. Судя по фразе *Нет! я вам говорю не о любви!*, начало описания остается непонятным: у собеседника в уме не создалось образа того ощущения, о котором идёт речь. Испытывал ли он сам что-то подобное? Вероятнее всего, нет. Чтобы сделать свою мысль понятнее, героиня стихов добавляет к уже употребленной метафоре *все вокруг // существовать переставало* новую развернутую метафору *пленки или патины, возникающей на поверхности вещей* – настолько неожиданную в контексте ситуации, что при первом прочтении читатель может предположить, будто рассказчица страдала галлюцинациями. Но, постепенно узнавая, что с психикой у нее все было в порядке, судя по тому, что у нее легко складывались отношения с людьми (она работала в театре, собиралась замуж), читатель понимает, что здесь метафорически передано **ощущение особой важности общения**

¹ Будучи представленным в художественном произведении, индивидуально-авторский концепт оказывается приписан литературному персонажу или лирическому герою, поэтому корректнее судить о репрезентации внутреннего мира героя, а не автора. Косвенное доказательство того, что подобные ощущения волновали и автора, находим в других его стихах. Так, в стихотворении 1962 г. «Я обнял эти плечи и взглянул // на то, что оказалось за спиною...» героиня стихов не вызывает у их лирического героя того чувства, которое воспето в «Посвящается Ялте», и потому он вместо нее рассматривает мебель, заканчивая стихи пессимистичной констатацией: *И если призрак здесь когда-то жил, // то он покинул этот дом. Покинул* [9. С. 11]. В более поздних стихах Бродского тема слияния и неслияния человека с окружающим миром продолжается: *...отсутствие мое большой дыры в пейзаже // не сделало* [Там же. С. 323]; *Человек, дожив до того момента, когда нельзя // его больше любить, брезгуя плыть противу // бешеного течения, прячется в перспективу* [Там же. С. 390]; *Ты – никто, и я – никто. // Вместе мы – почти пейзаж* [Там же. С. 447]. В художественном мире Бродского свойство человека выделяться из пейзажа обретает особую важность.

с тем знакомым, которого убили и о котором расспрашивает следователь. При этом назвать это ощущение любовью героиня отказывается. Видимо, для нее особо значима именно иллюзия «сходства» всех вещей, не относящихся к ее общению с другом.

Обратимся к другому примеру репрезентации индивидуально-авторского концепта психического явления. В романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» Цинциннат делает записи в тюрьме перед казнью, слабо надеясь, что их кто-нибудь прочтет. Он пишет:

Я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец... не знаю, как описать, — но вот что знаю: я дохожу путем постепенного разоблачения до последней, неделимой, твердой, сияющей точки, и эта точка говорит: я есмь! — как перстень с перлом в кровавом жиру акулы, — о мое верное, мое вечное... и мне довольно этой точки, — собственно, больше ничего не надо [10. С. 194].

Здесь внешние обстоятельства ситуации иные: у героя нет собеседника, о котором ему было бы что-то известно, есть только надежда обрести читателя в будущем — если записи не будут уничтожены. Но налицо те же прагматические факторы: (1) Цинциннат путем некоторой психологической практики приходит к ощущению в себе чего-то неделимого и существенного, осознавая его; (2) значимость этого ощущения заставляет героя высказаться об этом в краткое время, отведенное ему до казни; (3) он не может кратко выразить свое ощущение, прямо признает это: *не знаю, как описать*. В выборе языковых средств он останавливается на двух метафорах: метафоре *точки* и метафоре *перстня с перлом* (вторая метафора, по мнению С. Давыдова, восходит к учению гностиков, где под перлом подразумевается бессмертный дух человека [11. С. 86]).

Те же прагматические факторы наблюдаются и в других случаях индивидуально ощущаемых лакун:

- (1) говорящий переживает некое психическое явление и осознает это,
- (2) оно личностно значимо¹
- и (3) говорящий не находит для него краткого названия².

¹ Фактор личностной значимости существует вот почему: чтобы у человека была возможность о чем-то говорить, предмет речи должен находиться в фокусе его внимания. А то, для чего нет ни слова, ни общенационального концепта, может удерживаться в фокусе внимания только при условии обладания особой личностной значимостью. Восприятие человеком того, что не отражено на концептуальном и языковом уровнях одновременно, подобно восприятию у не обладающих речью млекопитающих: человек не вычленяет нечто как объект, будучи тем не менее способным реагировать на проявления этого (например, особым набором эмоций). Личностная значимость этого процесса помогает вычленить объект восприятия.

² Отметим, что для мотивации говорящего при этом неважно, испытывает ли он «временную афазию», в то время как в его национальном языке имеется слово для его ситуации (личностная / субъективная лакуна), или же слова для данной ситуации в языке нет (концептуально-языковая лакуна). Важно, что лично он не может выразить то, что хочет, одним словом и подбирает выражения, одновременно формируя концепт.

Эти прагматические факторы вызывают у говорящего потребность заполнить индивидуально ощущаемую языковую лакуну с помощью подбора языковых средств. Можно сделать вывод, что подобные чувства и ощущения могут быть в общих чертах поняты при отнесении их к некоему классу, к более общей категории (ко всем видам ощущения важности общения с конкретным человеком – в примере из Бродского, ко всем вариантам осознания себя – в примере из Набокова), а для того, чтобы появилась возможность это сделать, психическое явление сначала пытаются обозначить, выразить образными средствами, важную роль среди которых играет метафора (в когнитивной лингвистике понимаемая не только как образное средство, но и как способ мышления).

Следует уточнить, что при анализе художественной литературы принято разграничивать художественный образ и концепт (в том числе индивидуально-авторский). И образ и концепт являются единицами авторского сознания, различия между ними сводятся к тому, что «...образ, будучи двусторонней единицей, имеющей план выражения и план содержания, непосредственно дан в произведении. <...> Концепт же, скорее, «задан», а не «дан», мы реконструируем его по тексту, по следам его репрезентации, но никогда не можем его охватить в полном объеме» [12]. Во многих случаях (можно предположить, что в большинстве) художественные образы связаны с уже известными концептами. Приведем пример из романа «Дар» В.В. Набокова: *Он шел по улицам, которые давно успели втереться ему в знакомство, – мало того, рассчитывали на любовь; и даже наперед купили в его грядущем воспоминании место рядом с Петербургом, смежную могилку... <...> Вот, наконец, сквер, где мы ужинали, высокая кирпичная кирка и еще совсем прозрачный тополь, похожий на нервную систему великана, и тут же общественная уборная, похожая на пряничный домик бабы-Яги* [13. С. 49]. И олицетворение улиц, способных занять место в воспоминаниях главного героя, оживление стертой метафоры «занять место» с помощью выражений *успели втереться ему в знакомство, рассчитывали на любовь, купили в его грядущем воспоминании... могилку*, и индивидуально-авторские сравнения, остраивающие *тополь* и *общественную уборную*, помогают создать выразительные художественные образы, но не связаны с возникновением каких-либо новых концептов: способность человека запоминать то, что производит на него впечатление, общеизвестна, хоть и называется не одним словом, а остраненно воспринимаемые материальные предметы (тополь, уборная) имеют даже однословные названия. От таких случаев необходимо отличать те, которым посвящена данная статья: когда образными средствами создается новый концепт.

Входящие в нашу выборку представленные в индивидуально-авторских описаниях психические явления, названия которых не зафиксированы в национальном языке, можно разделить на две группы: (1) **непосредствен-**

Поэтому эти прагматические факторы выделяются применительно к более общему понятию – индивидуально ощущаемым лакунам.

но ассоциируемые с их источником либо объектом и (2) характеризующие по их внутреннему строению, независимо от того, что их вызвало либо на что они направлены¹.

1. Группа психических явлений, ассоциирующихся с их источником либо объектом, в нашей выборке представлена различными чувствами. Сюда входят следующие две подгруппы.

1.1. Концептуально-языковая лакуна может ощущаться автором, когда у него возникает потребность описать особенности своего отношения к окружающей природе. Пример – одно из «Восьмистиший» Осипа Мандельштама:

*Шестого чувства крохотный придаток
Иль ящерицы теменной глазок,
Монастыри улиток и створчаток,
Мерцающих ресничек говорок.
Недостижимое, как это близко –
Ни развязать нельзя, ни посмотреть, –
Как будто в руку вложена записка
И на нее немедленно ответь...*

[14. С. 199].

Чтобы понять, о чем здесь говорится, вспомним стихи Мандельштама «Ламарк» [Там же. С. 185–186]. В обоих стихотворениях речь идет о возможности сопереживания низшим животным, не наделенным человеческими чувствами (но, вероятно, имеющим нечто свое, недостижимое, то, что для человека было бы «шестым чувством»).

Сопоставляя стихотворения Мандельштама «Ламарк» и «Шестого чувства крохотный придаток...», А.К. Жолковский пишет: «...эволюционная лестница существ – локальная тема данного текста («Ламарк». – Ю.Г.) – видитсядвигающемуся по ней вспять поэту как постепенное разлучение с миром зрения, полнозвучья, красного дыхания, гибкого смеха; вместе с низшими организмами он оказывается отрезанным от Моцарта. В «Восьмистишиях» поэт подходит к тому же провалу с противоположной стороны – желанным, но недоступным предстает мир улиток и створчаток» [15]. Уточним, что желанным скорее не весь «мир улиток» с его глухотой и ограниченностью зрительного восприятия, а те недоступные человеку ощущения, которые в нем возникают. И, может, даже не столько они сами (едва ли лирический герой стихотворения согласился бы запереться в таком «монастыре»!), сколько способность ненадолго в них проникнуть.

Другое чувство, вызываемое природой, описал В.В. Набоков. Индивидуально-авторский концепт «ЧУВСТВО ЗВЕЗДНОГО НЕБА» впервые появляется в его романе «Дар» (даты первой публикации – 1937–1938 гг.), но разъясняется с помощью метафоры только в «Подлинной жизни Севастьяна Найта»

¹ В обоих случаях эти ассоциации или характеристика приписаны автором персонажу произведения или его лирическому герою, т.е. отслеживаются из текста.

(дата первой публикации – 1941 г.). Оба персонажа, испытывающие это чувство, являются главными героями – каждый в своем романе, при этом – писателями, и сам автор выступает их прототипом; можно предположить, что их переживания были знакомы и автору. Герой «Дара» Федор Константинович Годунов-Чердынцев оказывается носителем *очень редкого и мучительного, так называемого чувства звездного неба, упомянутого, кажется, только в одном научном труде, паркеровском «Путешествии Духа»* [13. С. 147–148] – больше в романе об этом чувстве не упоминается. Оно названо по смежности с тем, что его вызывает. Характеризуя героя как человека равнодушного к звездному небу, такая метонимия все-таки оставляет его чувство за гранью восприятия читателя. Аллюзия на неизвестный современному читателю научный труд (возможно, и вообще не существующий – Набоков позволял себе такую игру с читателем) тоже не проясняет дела. И только метафора в романе «Подлинная жизнь Севастьяна Найта» помогает понять приблизительную тональность описываемого чувства: *Years later Sebastian wrote that gazing at the stars gave him a sick and squeamish feeling, as for instance when you look at the bowels of a ripped-up beast* [16. P. 114]. Из метафорического сравнения ясно, что звездное небо вызывает у героя некий трепет, почти страх, доходящий до болезненности.

1.2. Вторая подгруппа концептуально-языковых лакун наблюдается в сфере **чувств, испытываемых по отношению к человеку: к самому себе либо к другим людям**. Такие чувства возникают при самопознании и при осмыслении общения. Сюда относится «ощущение налета патины» из стихотворения «Посвящается Ялте». Приведем пример такого чувства к другому человеку из романа Дж. Фаулза «Башня из черного дерева»:

He wanted with all his being – now it was too late; was seared unendurably by something that did not exist, racked by an emotion as extinct as the dodo. Even as he stood there he knew it was a far more than sexual experience, but a fragment of one that reversed all logic, process, that struck new suns, new evolutions, new universes out of nothingness. It was metaphysical; something far beyond the girl; an anguish, a being bereft of a freedom whose true nature he had only just seen [17. P. 132].

Как видно из примера, лакуну может образовывать и разновидность такого психического явления, у которого есть краткое обозначение (в данном случае – «любовь»), обладающая большой личностной значимостью именно как особая разновидность. Обиходные обозначения сильных и высоких чувств становятся стертыми¹, и тогда, чтобы обозначить сильную любовь к неожиданно встретившемуся человеку, автор прибегает к таким метафорам.

Две выделенные на основе нашей выборки подгруппы не исчерпывают всего возможного разнообразия индивидуально-авторских концептов первой группы. Так, в исследованной выборке не встретились описания сколько бы то ни было значимых и не названных ранее чувств,

¹ Ср. строки Б. Пастернака: *Пошло слово любовь, ты права. // Я придумаю кличку иную...* [18].

вызванных миром машин, техногенной цивилизацией, что не означает, будто таких чувств совсем не существует (возможны их репрезентации в научно-фантастической литературе).

Кроме того, чувства, представленные в индивидуально-авторских концептах, различаются **и по психологическим критериям**, в частности, основываются на различных базовых эмоциях, таких как радость, гнев, страх и др.¹

2. В группу психических явлений, описания которых характеризуют их **по внутреннему строю, а не по тому, что их вызвало**, входят **способности к познанию** (рассматриваемые именно как способности, как внутренние инструменты, безотносительно к содержанию познаваемого), другие **особенности мышления, восприятия, воображения**, определенные **состояния сознания**. При рефлексии этих психических явлений персонажи произведений сосредоточиваются на самих явлениях, а не на том, что их вызывает или на что они направлены. К этой группе относится осознание своей сущности как «точки» у Набокова Цинцинната.

Одно из не имеющих краткого названия ощущений этой группы – ощущение **«отдачи» от внезапного постижения истины**, сравнимое с мощным ударом. В русской литературе XX в. оно описано в произведениях В.В. Набокова и В.О. Пелевина, в английской – в романе К. Уилсона «Паразиты сознания».

Набоков приписывает такое ощущение персонажу своего рассказа «Ultima Thule» Фальтеру: *...хотя в отдельности эти мысли и впечатления ничуть не были какими-либо новыми или особенными для этого крепконового, не совсем заурядного, но поверхностного человека (ибо по своей человеческой сути мы делимся на профессионалов и любителей – Фальтер, как и я, был любитель), они в своей совокупности образовали, быть может, наиболее благоприятную среду для вспышки, для катастрофической, как главный выигрыш, чудовищно случайной, никак не предсказанной обиходом его рассудка, сверхжизненной молнии, поразившей его в ту ночь в том отеле* [20. С. 445]. В результате Фальтер сходит с ума – или, может быть, становится безумцем только с обывательской точки зрения: ведь он способен здраво вести беседу, хоть и нарушает этикет. Сила художественного слова такова, что и читатель вслед за автором допускает, что от познания глубокой вселенской истины можно сойти с ума или, по крайней мере, начать вести себя «как сумасшедший», шокируя окружающих.

Более стойким оказывается Петр, герой романа Пелевина «Чапаев и Пустота»:

И тут совершенно неожиданно для себя я все понял и вспомнил. // Удар был таким сильным, что в первый момент я подумал, что прямо в центре комнаты разорвался снаряд. Но я почти сразу пришел в себя [21. С. 403].

¹ Так, например, относящийся к первой группе индивидуально-авторский концепт «СТРАХ НЕБЫТИЯ», основанный на базовой эмоции страха, описан с литературоведческих позиций в работе [19].

К. Уилсон, как и В.В. Набоков, сравнивает силу «отдачи» от внезапного понимания истины с ударом молнии; его персонаж выдерживает *жгучую силу этой молнии*, как и Петр Пустота: *And then the realization came to me with such searing force that I felt as if I had been struck by lightning* [22. P. 81].

К группе концептов психических явлений, характеризующихся по их внутреннему строю, относится наиболее известный авторский неоднословный концепт Набокова «COSMIC SYNCHRONIZATION» (принятый в литературной критике перевод – «КОСМИЧЕСКАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ»)¹. Это выражение впервые употреблено Набоковым на английском языке в мемуарах «Speak, Memoгу» (1951). Под космической синхронизацией Набоков понимает обусловленное очень развитым воображением умение одновременно представлять себе все происходящее в определенный момент в разворачивающемся перед внутренним взором пространстве. Вот его описание космической синхронизации, приписанное персонажу, чье имя – анаграмма словосочетания «Vladimir Nabokov»: *Vivian Bloodmark, a philosophical friend of mine, in later years, used to say that while the scientist sees everything that happens in one point of space, the poet feels everything that happens in one point of time. Lost in thought, he taps his knee with his wandlike pencil, and at the same instant a car (New York license plate) passes along the road, a child bangs the screen door of a neighboring porch, an old man yawns in a misty Turkestan orchard, a granule of cinder-gray sand is rolled by the wind on Venus, a Docteur Jacques Hirsch in Grenoble puts on his reading glasses, and trillions of other such trifles occur - all forming an instantaneous and transparent organism of events, of which the poet (sitting in a lawn chair, at Ithaca, N.Y.) is the nucleus* [23. P. 218]. В развернутую метафору, которой завершается описание концепта, вклинивается американский топоним «Итака», содержащий намек на путешествие Одиссея – но такого Одиссея, который способен путешествовать в воображении, не покидая своей Итаки. По мнению Набокова, это умение очень ценно для писателя.

Данное исследование дополняет теорию лакун описанием **концептуально-языковых лакун** и их **авторского элиминирования** в сфере внутреннего мира человека, где они относительно часто встречаются. Термин «концептуально-языковая лакуна» подчеркивает одновременное отсутствие и концепта в национальной концептосфере, и средств его выражения в языке до осмысления и репрезентации данного концепта автором. Концептуально-языковые лакуны представляют собой разновидность **индивидуально ощущаемых языковых лакун**, другая разновидность которых – личностные (субъективные) лакуны – описана Г.В. Быковой [5. С. 115–116]. Говорящий **замечает концептуально-языковую лакуну в сфере**

¹ Среди индивидуально-авторских концептов В.В. Набокова встречаются и другие относящиеся к этой группе: «МНОГОПЛАННОСТЬ МЫШЛЕНИЯ», «DELICIOUS DISSOLUTION» («СЛАДОСТНОЕ САМОРАСТВОРЕНИЕ»). О его индивидуально-авторских концептах внутреннего мира см. в работе [6].

внутреннего мира (психики) при следующих условиях: (1) он переживает некоторое психическое явление и осознает это, (2) осознает его существенную личностную значимость и (3) не находит для него краткого названия. Сформировав в процессе осознания некоего психического явления ядро индивидуального концепта, он старается репрезентировать этот концепт, выбирая языковые средства. Благодаря своей образности и опоре на такой способ мышления, как метафора, описания индивидуального опыта открыты для читательского понимания и запоминания, а если авторы дают описанным явлениям краткие имена – и для пополнения словарного состава языка; в таких случаях индивидуально-авторский концепт может стать общенациональным.

Другим результатом нашего анализа является разделение представленных в индивидуально-авторских описаниях психических явлений, названия которых не зафиксированы в национальном языке, на две семантические группы. В первую группу входят **явления психики, непосредственно ассоциируемые с неким объектом извне** (в нашей выборке примеров такие объекты – окружающая природа и люди, человеческие взаимоотношения). Во вторую группу входят **явления психики, характеризующиеся по их внутреннему строю**, а не по тому, что их вызвало. К первой группе в нашей выборке относятся чувства, ко второй – способности, состояния сознания, особенности мировосприятия и мышления.

Является ли концептуально-языковая лакуна лакуной в обоих языках, а также в других, требуется проверять для каждого конкретного случая и языка. Для суждения об их универсальности материала еще нет. Тем не менее наш анализ показывает, что в некоторых случаях такая лакуна наблюдается и элиминируется писателями в двух языках (что видно как на примерах из двуязычного Набокова, так и при сопоставлении примеров из Уилсона, Набокова и Пелевина).

Отметим, что исследование индивидуально ощущаемых лакун в сфере внутреннего мира человека ставит много новых вопросов. Так, возникает вопрос, в текстах каких функциональных стилей и жанров находят свое выражение индивидуально-авторские концепты внутреннего мира. Ясно, что не только в художественной литературе, ведь, например, и в научной литературе появляются описания не названных ранее психических явлений – вспомним хотя бы описание бессознательного у Фрейда. Другой вопрос: в каких семантических областях, кроме области внутреннего мира (психики), обнаруживаются множественные индивидуально ощущаемые лакуны? И действуют ли там те же прагматические факторы для их выявления и элиминации? Таким образом, поставленная в данной статье проблема требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 41–45.

2. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. 149 с.
3. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лексических и культурологических лагун: Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 35–52.
4. Эйнуллаева Е.А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации: На примере английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 167 с.
5. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. 364 с.
6. Головнёва Ю.В. Индивидуально-авторское выявление и замещение языковых лагун в сфере внутреннего мира человека (на примерах из произведений В.В. Набокова) // Вестник МГОУ. 2015. № 4. С. 44–50.
7. Лебедько М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер : дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2002. 363 с.
8. Залевская А.А. Актуальные вопросы терминологии: «концепт» или «конструкт»? // Лингвистический вестник. Ижевск, 2001. Вып. 3. С. 13–19.
9. Бродский И.А. Избранные стихотворения. М. : Панорама, 1994. 496 с.
10. Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинёв, 1989. С. 149–272.
11. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб. : Кирцидели, 2004. 157 с.
12. Тарасова И.А. Образ или концепт? : К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). М., 2009. Вып. 15. С. 262–267. URL: <http://acta-linguistica-et-poetica.blogspot.ru/> 2009/10/blog-post.html (дата обращения: 27.02.2017).
13. Набоков В.В. Дар: Роман. М. : Издания книжной редакции Советско-Британского совместного предприятия СЛОВО, 1990. 332 с.
14. Мандельштам О.Э. «Сохрани мою речь...»: Лирика разных лет. Избранная проза / сост. Б.С. Мягков ; вступ. ст. Л.А. Озерова. М. : Школа-Пресс, 1994. 576 с.
15. Жолковский А.К. Я пью за военные астры... URL: <https://dornsifecms.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib31> (дата обращения: 27.02.2017).
16. Nabokov V. The Real Life of Sebastian Knight. Harmondsworth (Midd'x) : Penguin books, Ringwood (Vic.), 1964. 172 p.
17. Fowles J. The Ebony Tower. М. : Менеджер, 2000. 256 с.
18. Пастернак Б.Л. «Недотрога, тихоня в быту...» // Вальс с чертовщиной: Стихотворения / сост. и фотографии А.М. Галкина. М. : Русская книга, 1993. С. 118.
19. Polekhina M.M. Conceptualization of the Fear of Non-Being in the Book About War “My Lieutenant” by Daniil Granin (on Actualization of Universal Binary Oppositions) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 5. С. 1181–1190.
20. Набоков В.В. Ultima Thule: Рассказ // Собрание сочинений : в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 438–462.
21. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота: роман. М. : Эксмо, 2005. 448 с.
22. Wilson C. The Mind Parasites. Moscow : Raduga Publishers, 1986. 270 p.
23. Nabokov V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. N.Y. : Vintage Books, 1989. 316 p.

Conceptual and Lexical Gaps in the Sphere of the Human Inner World and Authors' Ways of Their Elimination (Based on Examples from the Literature of the 20th Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 69–84. DOI: 10.17223/19986645/62/5

Yuliya V. Golovnyova, Far Eastern Federal University (Ussuriysk, Russian Federation).
E-mail: golovnyova@mail.ru

Keywords: conceptual and lexical gap, individually felt lexical gap, author's individual concept, metaphor, sphere of human inner world, Russian literature, English literature.

The aim of the article is a linguistic description of a special type of an intralanguage lexical gap in the semantic sphere “human inner world”, i.e., the type characterised by the lack of both a word to denote the mental phenomenon and a clear-cut nationwide concept of the phenomenon. The article suggests the term “conceptual and lexical gaps” for such cases. It is part and parcel of the writer's work to eliminate such lexical gaps with authors' individual concepts, on the conceptual level, and with some newly coined or newly combined means of expression, on the language level. The research material is Russian and English literature of the 20th century (Osip Mandelstam, Vladimir Nabokov, Colin Wilson, Joseph Brodsky, John Fowles, Viktor Pelevin); works in which descriptions of a person's mental life play a significant role were selected. The analysis draws on the lexical gap theory (Yu.A. Sorokin, I.Yu. Markovina, G.V. Bykova et al.), in particular, on the statement that there exist “intralanguage gaps”, i.e., lexical gaps that can be traced without comparing two or more languages. The method of conceptual analysis is used. At the preliminary stage of research, microcontexts with the writers' multiword names for mental phenomena, and also those with descriptions of unnamed mental phenomena, were chosen from the texts. Then, the analysis of the context of these names and descriptions showed the pragmatic factors causing the character's or the lyrical hero's need to eliminate the gap. At the final stage, a significant semantic difference between two groups of conceptual and language gaps was identified. It can be concluded that there are three main pragmatic factors making a person feel such a type of lexical gap. The speaker notices a conceptual and language gap under the following conditions: (1) (s)he experiences some mental phenomenon and realises it; (2) (s)he realises its personal importance; and (3) (s)he does not find any brief name for this phenomenon in the language (s)he uses. Having generated, in the process of comprehension of the mental phenomenon, the nucleus of its individual concept, (s)he tries to represent this concept by choosing language means. Another result of the analysis is the conclusion that the writers' descriptions of mental phenomena uncovering conceptual and language gaps fall into two semantic groups. The first group includes descriptions of mental phenomena directly associated with the external (i.e., not belonging to the described sphere) object, e.g., Nabokov's *feeling of the starry sky* (*The Gift*, *The Real Life of Sebastian Knight*) and Brodsky's *feeling of patina* (*Homage to Yalta*). The second one includes descriptions of mental phenomena characterised by their internal structure, not by what has caused them. The effect of “recoil” after an insight (*Ultima Thule* by Nabokov, *Buddha's Little Finger (aka Chapaev and Void)* by Pelevin, *The Mind Parasites* by Wilson) and the *cosmic synchronisation* (*Speak, Memory* by Nabokov) may serve as examples.

References

1. Vlasenko, S.V. & Sorokin, Yu.A. (2007) Tekst kak plotno lakunizirovannoe prostanstvo [Text as a tightly lacunized space]. *Voprosy psikhologicheskoy i lingvisticheskoy psikhologii* – *Journal of Psycholinguistics*. 5. pp. 41–45.
2. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (1984) *Leksicheskaya sistema yazyka* [Lexical System of Language]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Sorokin, Yu.A. & Markovina, I.Yu. (1983) Opyt sistematizatsii leksicheskikh i kul'turologicheskikh lakun: Metodologicheskie i metodicheskie aspekty [The experience of systematizing lexical and culturological gaps: Methodological and methodical aspects]. In: *Leksicheskie edinitzy i organizatsiya struktury literaturnogo teksta* [Lexical Units and Organization of the Structure of a Literary Text]. Kalinin: [s.n.]. pp. 35–52.

4. Eynullaeva, E.A. (2003) *Lakuny v strukture yazykovoy lichnosti i ikh zapolnenie v mezhkul'turnoy kommunikatsii: Na primere angliyskogo i russkogo yazykov* [Lacunae in the structure of a linguistic personality and their filling in intercultural communication: On the example of English and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Bykova, G.V. (2003) *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoy sistemologii* [Lacunarity as a Category of Lexical Systemology]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
6. Golovneva, Yu.V. (2015) Author individual identification and substitution of language lacunae in the sphere of human inner world (based on works by Vladimir Nabokov). *Vestnik MGOU – Bulletin MSRU*. 4. pp. 44–50. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-44-50
7. Lebed'ko, M.G. (2002) *Kognitivnye aspekty vzaimodeystviya yazyka i kul'tury: Sopostavlenie amerikanskoy i russkoy temporal'nykh kontseptosfer* [Cognitive aspects of the interaction of language and culture: Comparison of the American and Russian temporal conceptual spheres]. Philology Dr. Diss. Vladivostok.
8. Zalevskaya, A.A. (2001) Aktual'nye voprosy terminologii: "kontsept" ili "konstrukt"? [Actual questions of terminology: "concept" or "construct"?]. In: Susov, I.P. (ed.) *Lingvisticheskiy vestnik*. Vol. 3. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 13–19.
9. Brodskiy, I.A. (1994) *Izbrannye stikhotvoreniya* [Selected Poems]. Moscow: Panorama.
10. Nabokov, V.V. (1989) *Priglasenie na kazn': Romany, rasskazy, kriticheskie esse, vospominaniya* [Invitation to Execution: Novels, short stories, critical essays, memoirs]. Kishinev: Lit. artistike. pp. 149–272.
11. Davydov, S. (2004) "Teksty-matreshki" Vladimira Nabokova [Vladimir Nabokov's "Matryoshka texts"]. St. Petersburg: Kirtsideli.
12. Tarasova, I.A. (2009) Obraz ili kontsept?: K voprosu o kategoriakh avtorskogo soznaniya [Image or concept?: On the issue of categories of author's consciousness]. In: *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects]. V Berezhinskie chteniya [V Berezhin Readings]. Proceedings of the International School Seminar. 15. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. pp. 262–267. [Online] Available from: <http://acta-linguistica-et-poetica.blogspot.ru/2009/10/blog-post.html>. (Accessed: 27.02.2017).
13. Nabokov, V.V. (1990) *Dar: Roman* [The Gift: A novel]. Moscow: Izdaniya knizhnoy redaktsii Sovetsko-Britanskogo sovmejnogo predpriyatiya SLOVO.
14. Mandel'shtam, O.E. (1994) "Sokhrani moyu rech'...": *Lirika raznykh let. Izbrannaya proza* ["Preserve my speech...": Lyrics of different years. Selected Prose]. Moscow: Shkola-Press.
15. Zholkovskiy, A.K. (n.d.) *Ya p'yu za voennye astry...* [I drink for military asters...]. [Online] Available from: <https://dornsifecms.usc.edu/ale-xander-zholkovsky/bib31>. (Accessed: 27.02.2017).
16. Nabokov, V. (1964) *The Real Life of Sebastian Knight*. Harmondsworth (Midd'x): Penguin books, Ringwood (Vic.).
17. Fowles, J. (2000) *The Ebony Tower*. Moscow: Menedzher.
18. Pasternak, B.L. (1993) *Val's s chertovshchinoy: Stikhotvoreniya* [Waltz with devilry: Poems]. Moscow: Russkaya kniga.
19. Polekhina, M.M. (2016) Conceptualization of the Fear of Non-Being in the Book about War "My Lieutenant" by Daniil Granin (on Actualization of Universal Binary Oppositions). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 5 (9). pp. 1181–1190.
20. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Pravda. pp. 438–462.
21. Pelevin, V.O. (2005) *Chapaev i Pustota: roman* [Chapaev and Void: a novel]. Moscow: Eksmo.
22. Wilson, C. (1986) *The Mind Parasites*. Moscow: Raduga Publishers.
23. Nabokov, V. (1989) *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. New York: Vintage Books.